

Непечатный лубочек

Сергей Каледин написал новую повесть, но почти все толстые журналы отказываются ее печатать.

Начиная со «Смирненного кладбища» (1988), «Московские новости» не обходили вниманием ни одного произведения Сергея Каледина. Не является исключением и только что законченный писателем «Клуб студенческой песни». Аббревиатура названия равно подходит и для придуманного автором Клуба свободных писателей, за которым легко угадывается реально существующий Пен-клуб — центральный объект повествования.

О «Клубе студенческой песни» с Сергеем Калединым беседует корреспондент «МН» **Ольга МАРТЫНЕНКО.**

— Вам не кажется, что время писательских распрей, которым посвящена новая повесть, ушло?

— Да уйти-то ушло, только два с половиной года назад я в вашей же газете объявил, что пишу повесть под условным названием «Пен-клуб и его обитатели», а, чтобы не прослыть балабоном, обещания надо выполнять. Писатели в моей повести изображены не в лучшем виде, и мне было любопытно, что получится с публикацией такой вещи. Толстые журналы (за исключением «Дружбы народов», в редколлегии которой нет членов Пен-клуба), не стовариваясь, а может, и наоборот, мне отказали. В «Новом мире», например, сказали: хорошо, интересно, но в портфеле редакции уже есть произведения на схожую тематику. Мне это напомнило историю двадцатилетней давности со «Смирненным кладбищем», когда тоже говорили: ой, как живо, интересно, одна беда — в портфеле есть много вещей на ту же тему. Видать, занимала очень писателей в те годы кладбищенская жизнь! В «Знамени» ответили более доверительно: печатать не будем, почему — сам должен понимать. Как тут не понять. Я смысленный. Короче, никуда цензура не подевалась: была идеологическая, а стала корпоративная, клановая.

— Может, повесть просто не понравилась?

— Вряд ли. Когда не нравятся, говорят — почему, не ищут беспомощных отговорок. А тут отказали, не подумав, что разжигают к повести добавочный интерес, то есть поступают так же, как в свое время военный министр Язов, запретивший «Стройбат».

— В основе скандала с разоблачением стукаческой деятельности генерального секретаря КСП лежит реальная ситуация?

— В Пен-клубе была схожая печально известная история, она меня очень задела, я в ней активное участие принимал, добываясь изгнания нашего администратора. Я не собирался улучшать нравственный климат Пена, а уж тем более общества, у меня были узко утилитарные гигиенические соображения — грязь убрать из организации, в которой я состою. И потом, моя повесть — не изобличение Пен-клуба, упаси Господь, а очередная байка на тему. Да и главное для меня было показать не писательскую разборку, это всего лишь зацепка, а моих героев — Синяка, Романа и Ваньку. Хотелось сочинить сказку на манер «Трех товарищей» Ремарка. Я помню, с каким упоением все читали этот роман, и решил попробовать сам порезвиться — написать о дружбе, о людях, которые безмерно друг друга любят, друг другу все прощают, бросаются на помощь по первому свистку. Такой вот лубочек.

— Для лубочка, по-моему, ваши три товарища недостаточно идеальны.

Кирилл КАЛПАЧНИКОВ

— Конечно, мое трио с червоточинкой. Один, слабохарактерный, если не стучал, то подумывал об этом, занимался наркобизнесом, документы подделывал. Другой, бандит с пистолетом, машинами краденными торгует. Третий, литератор, мало того, что дружит с первыми двумя, сам далек от совершенства. То есть, с точки зрения правоверной морали, они плохие, запущенные. Однако они живые, натуральные, чего не скажешь о писательской братии, которая им противопоставлена.

— Не слишком ли вы жестоки к писательской братии? Что она собой представляет?

— Как и все. Такую же толпу обнищавших, растерянных, в основном уже немолодых людей, плохо понимающих, что и как делать дальше. Одного только следования канонической морали оказывается мало, чтобы спасти страждущее человечество. Нужно еще знать сегодняшнюю жизнь, а поди ее узнай: что такое наша страна. Идти в народ за впечатлениями — нет привычки и возраст не позволяет. А замашки и амбиции остались старыми — учить жизни, рассуждать о Добре и Зле. Почему-то очень прочно укоренилось в сознании части интеллигенции неверное понятие милосердия по отношению к бывшим коммунистам, стукачам, палачам. Выродилось же это «милосердие» в попустительство, то есть в уголовно наказуемое деяние. Результаты налицо. И в жизни, и в литературе.

— Но и литература утратила прежнее значение.

— У нее было ненормальное, гипертрофированное положение. В нашем чумном бараке социализма она служила главным наркотиком, почти наравне с водкой.

— Судя по вашей повести, мораль современного общества мало отличается от той, что царила прежде.

— По сути ничего не изменилось. Она такая же, как и прежде, — безобразная. Просто раньше ее безобразие

прятали, скрывали от аудитории при помощи цензуры, профкомов, парткомов, а теперь вся срамота наружу. С нынешним обществом я мало знаком, я живу в нем только десять лет. Сорок лет провел в другом и нынешнее плохо понимаю. Но мое дело — писать, а обществу — развиваться.

— В какую сторону? У вас как-то все идет к распаду, в частности, семейному.

— Это не у меня, это во всем мире семья вянет-пропадает. На примере нашей страны, если говорить схематично, дело обстоит так: тут семьдесят лет всех сажали, уничтожали. Чудом спасшиеся могли отогреться только в кругу своей семьи. Те времена, слава Богу, прошли, и необходимость в семейной защите ослабла. Да и потребность нести тяжеленный семейный крест, терпеть нищету и бытовое неустройство стала отмирать.

— Значит, общество распадается оттого, что люди стали лучше жить и начали в себе разбираться?

— Не обязательно. Богатые сходят с ума от богатства, бедные от нищеты, а литература — от свободы. У меня, например, мозги прекрасно работали в застой, когда было страшно и меня не печатали.

— Что вы читаете?

— В основном перечитываю. Жду всегда, что напишет Татьяна Толстая. С каким удовольствием прочитал в «Знамени» ее критику на роман Макина «Французское завещание», вот это встреча с прекрасным!

— Относительно прекрасного. Язык «Клуба студенческой песни», энергичный и выразительный, показал мне отчасти грубоватым.

— Ничем не могу помочь, какие герои — такой язык. А если всерьез, с языком дела плохи. Где новые слова возьмешь? Раньше я брал их в деревне, у стариков. Но деревня вместе со стариками вымерла. Новые старики — городские (деревенских нет как класса) выросли под телевизор, их язык серый, никакой. Новые русские тоже неинтересны, про них все наперед знаешь.

— Не скучно так жить?

— Скучновато. Но полностью вписаться в новую жизнь, стать ее членом у меня уже не получается.

«Клуб студенческой песни» будет напечатан в «Независимой газете» и в новогоднем номере журнала «Континент».